

Трус	Суламифь
Свадьба	Олеся
Корь и т. д.	Гамбринус
Фиалки	Гранатовый браслет (ныне переведен в Гельсингфорсе и очень читается)
Сон пречистой девы	Лестригоны
Груня	Обида
Шт[абс]-кап[итан] Рыбников	Шт[абс]-кап[итан] Рыбников
Том детских рассказов	Река жизни
И еще миллион	Конокрады
[Четыре вышеупомянутых см. выше]	Жидкое солнце
	Лазурные берега
	Мелюзга

Но еще бы лучше перевести их на шведский. Впрочем... конвенция. Тяжела наша жизнь гусарская.

Я очень прошу Вас, Евгений Александрович, не замедлить ответом. Г. Панютин, любезно передавший мне Ваше письмо, доставил также и заметку о том, что в Швеции родилась мысль прийти на помощь литераторам и ученым. Я эту заметку вчера отослал в типографию. Мысль чудесная, добрая и чистая. Дай Бог, чтоб она ладно превратилась в дело. Но, говоря только о себе, я скажу, что я лично никаким пособием и никогда не воспользовался бы. А вот издание сочинений — дело совсем другого рода. Я чувствую, что если судьба даст мне маленькую передышку, то я все-таки напишу книгу, которая заслужит Нобелевскую премию. Это я задумал давно, а все мои замысли, в пределах разумного и возможного, всегда исполнялись.

Итак — я весь нетерпение в ожидании Вашего ответа.

Ваш А. КУПРИН

1920 7/III

Hels. Pension Central (passage)

IV

[Гельсингфорс, весна 1920]

Дорогой Евгений Александрович.

Ну, вот: пока мы с Вами препирались, издатели Ваши телились, мне предложили ту же самую комбинацию в Гель[син]фор[се]. Я выжидал до самого последнего момента и уступил лишь за день до Вашего письма, в котором Вы известили меня, что наконец-то, наконец-таки Вам удалось выкроить чуточку сносные условия. Но — *helas!* было уже поздно. Я, конечно, ждал бы и еще, но не ждет моя острая нужда.

Что касается до Стриндберга и С. Лагерлеф, то я жду лишь сигнала, чтобы приступить, и хоть какой-нибудь уверенности, что, сделав листов двадцать перевода и заплатив за них переводчику, я не сяду голым задом в крапиву.

Ваш сердечно А. КУПРИН

V

[Гельсингфорс, весна 1920]

Дорогой Евгений Александрович,

Если бы Вы вспомнили все последовательное течение нашей переписки, Вы не называли бы меня плохим товарищем, как — даже мысленно — и я Вас не называю. Здесь две иррациональных причины: а) изменчивое, с одной стороны, и рутинное, с другой, отношение издательства и в) переговоры на расстоянии недели пути, которые никогда не заменят живого личного разговора. Похороним этот вопрос?